

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология

I. КРИЗИС НАУК КАК ВЫРАЖЕНИЕ РАДИКАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА 1. Действительно ли существует кризис наук при всех их постоянных достижениях? 2. Позитивистская редукция идеи науки лишь о фактах. "Кризис" науки как утрата ею своей жизненной значимости 3. Обоснование автономии европейского человечества вместе с новым пониманием идеи философии, возникшего в эпоху Ренессанса 4. Несостоятельность вначале успешной науки нового времени и непроясненность ее мотивов 5. Идеал универсальной философии и процесс его внутреннего разложения 6. История философии нового времени как борьба за человеческий смысл 7. Исследовательский замысел этой рукописи II. ОБЪЯСНЕНИЕ ГЕНЕЗИСА ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ФИЗИКАЛИСТИЧЕСКИМ ОБЪЕКТИВИЗМОМ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫМ СУБЪЕКТИВИЗМОМ, ВОЗНИКШЕГО В НОВОЕ ВРЕМЯ 8. Генезис новой идеи универсальности науки в ходе преобразования математики 9. Математизация природы Галилеем 10. Генезис дуализма господствующей парадигмы (Vorbildlichkeit) естествознания. Рациональность мира "more geometrico" 11. Дуализм как основа непостижимости проблем разума, как предпосылка специализации наук, как основание натуралистической психологии 12. Общая характеристика физикалистского рационализма нового времени I. КРИЗИС НАУК КАК ВЫРАЖЕНИЕ РАДИКАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА 1. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ СУЩЕСТВУЕТ КРИЗИС НАУК ПРИ ВСЕХ ИХ ПОСТОЯННЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ? Необходимо отметить, что такая констатация относительно наук уже была представлена в докладе, озаглавленном "Кризис европейских наук и психология" (таково было первоначальное название пражского цикла докладов). Возникает противоречие. Можно ли всерьез говорить лишь о кризисе наших наук? Не являются ли сегодняшние велеречивые разговоры об этом явным преувеличением? Кризис какой-то науки означает, что ставится, по крайней мере, под сомнение ее подлинная научность, весь ее способ постановки задач и методология. Это может относиться и к философии, которой в наше время угрожает опасность впасть в скепсис, иррационализм и мистицизм. Коль скоро психология еще выдвигает философские притязания и стремится быть одной из позитивных наук, то все это значимо и для нее. Однако, если мы открыто и всерьез говорим о кризисе наук вообще, то должны ли мы говорить о кризисе и позитивных наук, в том числе чистой математики, точных естественных наук, которые не перестают восхищать нас в качестве образцов строгой и в высшей степени плодотворной научности? Конечно, весь стиль их систематического теоретического мышления и методики изменчив. Совсем недавно была разрушена устойчивость классической физики, столкнувшейся с угрозой окаменения столетиями сохранявшегося стиля систематического теоретизирования и методологизирования, стиля, который считался классически совершенным. Но означает ли эта победоносная борьба с идеалами классической физики и давно ведущийся спор о подлинных формах построения чистой математики, что предшествующая физика и математика еще не были научными, что они были неизбежно отягощены неясностью, не позволяющей достичь ясного проникновения в их поле деятельности? Необходимо ли такое проникновение для нас, свободных от слепоты? Понимаем ли мы при этом, что же характерно для установки представителей классического способа мысли, если воспринять ее, конечно, не вполне в том виде, в каком она осуществлена во множестве великих и значительных открытий, в богатстве технических изобретений, восхитивших предшествовавшие поколения? Независимо от того представлена ли физика Ньютоном, Планком, Эйнштейном или будет представлена кем-то другим в будущем, физика была и остается точной наукой. И она останется ею, поскольку мы вправе думать, что никто не ожидает от нее создания абсолютного и окончательного стиля теоретизирования, да она и не стремится к этому. Аналогичным образом проблематичной кажется и другая большая группа наук, обычно причисляемых к позитивным, а именно конкретные науки о духе, для которых характерно сомнительное обращение к идеалу естественнонаучной точности, например, обращение биофизических ("конкретно"-естественнонаучных) дисциплин к вышеупомянутым математически точным естественным наукам. Строгая научность всех этих дисциплин, очевидность их теоретических разработок, их непрерывные и вполне закономерные успехи - все это вне сомнений. Может быть, лишь относительно психологии нельзя быть уверенным в этом, коль скоро она претендует стать абстрактной, в конечном счете, объясняющей наукой. Однако явный разрыв между методом и разработкой теории, обусловленный их медленным развитием, оказывается все же довольно всеобщим, присущ и психологии. В любом случае несомненен контраст между "научностью" этой группы наук и "ненаучностью" философии. Поэтому можно считать оправданным внутренний протест ученых, уверенных в своем методе, против этого цикла докладов. 2. ПОЗИТИВИСТСКАЯ РЕДУКЦИЯ ИДЕИ НАУКИ ЛИШЬ К НАУКЕ О ФАКТАХ. "КРИЗИС" НАУКИ КАК УТРАТА ЕЮ СВОЕЙ

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org
ЖИЗНЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ Но, может быть, надо изменить способ рассматривания, прекратить всеобщие сетования на кризис нашей культуры и на ту роль, которая приписывается в этом кризисе наукам, и тогда возникает стремление подвергнуть серьезной и острой критике научность всех наук, не оценивая заранее оправданность методологических процедур и не задаваясь вопросом о смысле научности. С помощью так измененного способа рассматривания мы надеемся найти пути к самой сути дела. Встав на этот путь, мы можем вскоре заметить, что дискуссионность, которой больна психология не только в наши дни, но уже столетиями, и составляет ее собственный "кризис". Затем мы сможем выявить решающее значение загадочной, непреодолеваемой непостижимости современных наук, даже математических, и в связи с этим перейти к обнаружению различного рода мировых загадок, чуждых предшествующим эпохам. Все они возвращают нас к загадке субъективности и неразрывным образом связаны с загадкой тематики и метода психологии. Таков первый шаг в предварительном объяснении того глубокого смысла, который заключен в замысле этого цикла докладов. Исходным пунктом является сдвиг, произошедший в последние столетия, во всеобщей оценке науки. Он относится не только к научности, но и к тому значению, которое наука имеет и может иметь вообще для человеческого существования. Исключительное – таков эпитет, характеризующий, начиная со второй половины XIX в., влияние позитивных наук на мировоззрение современного человека. Это завораживающее влияние растет вместе с "благополучием", зависящим от позитивных наук. Вместе с тем констатация этого влияния влечет за собой равнодушное самоотстранение от вопросов, действительно решающих для всего человечества. Наука, понятая лишь как эмпирическая наука, формирует лишь сугубо эмпирически-ориентированных людей. Переворот в общественной оценке науки был неизбежен; особенно после окончания мировой войны. Как известно, молодое поколение прониклось прямо-таки враждебным отношением. Наука – и это постоянно можно слышать ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования. Не выдвигается ли тем самым общее требование о необходимости всеобщего сознания и ответственности всех людей, которые проистекали бы из разума? Ведь в конце концов все это касается людей, которые, будучи свободны в главном, – в своем отношении к окружающему человеческому и внечеловеческому миру, свободны в своих возможностях разумного преобразования себя и окружающего мира? Но что может сказать наука о разуме или неразумии, о человеке как субъекте свободы? Физическая наука, разумеется, ничего – ведь она абстрагируется от всякой соотнесенности с субъективным. Что же касается наук о духе, которые в своих специальных и общих дисциплинах рассматривают человека в его духовном бытии, следовательно, в горизонте его историчности, то они, как полагают, в соответствии с нормами строгой научности, требуют от исследователя исключения всех ценностных установок, всех вопросов о разуме и неразумии тематизируемого человечества и произведений его культуры. Научная, объективная истина состоит исключительно в констатации фактивности мира, как физического, так и духовного. Но может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактивности, если науки признают так объективно констатируемое за нечто истинное, если история не научает нас ничему, кроме одного – все произведения духовного мира, все жизненные связи, идеалы и нормы, присущие людям, подобно мимолетным волнам, возникают и исчезают, разум постоянно превращается в неразумие, а благодеяние – в муку, всегда так было и всегда так будет? Можно ли смириться с этим? И можно ли жить в мире, где историческое событие – лишь непрерывная цепь иллюзорных порывов и горьких разочарований? 3. **ОБОСНОВАНИЕ АВТОНОМИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВМЕСТЕ С НОВЫМ ПОНИМАНИЕМ ИДЕИ ФИЛОСОФИИ, ВОЗНИКШЕГО В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА** Отнюдь не всегда наука отождествляла свое требование строгой обоснованности истины с той объективностью, которая стала господствующей в методах наших позитивных наук и настолько далеко вышла за их пределы, что превратилась в опору философского и мировоззренческого позитивизма и приобрела весьма широкое распространение. Отнюдь не всегда собственно гуманистические вопросы изгонялись из царства науки и оставались вне рассматривания их внутренняя соотнесенность со всеми науками, прежде всего с теми, в которых (как в естественных науках) человек не был тематизируемым. Коль скоро ныне все обстоит иначе, то возникает вопрос: может ли наука претендовать на то, чтобы иметь такое же руководящее значение для человечества, совершенно иного и обновленного со времени Ренессанса, какое она имела, как мы знаем, для самого процесса преобразования? Почему же утрачено это руководящее значение? Почему те важные изменения, которые произошли, привели к позитивистскому ограничению идеи науки? Все это должно быть понято в своих глубоких причинах, и крайне важно для замысла этого доклада. Европейское человечество пережило в эпоху Возрождения

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org революционный переворот. Противопоставив себя средневековому способу жизни, оно обесценило его и пыталось сформировать себя свободно и по-новому. Свой удивительный образец оно нашло в античности, в своем образе жизни стремясь подражать античному образу жизни. Что же можно считать наиболее существенным в человеке античности? После определенных колебаний можно сказать – это не что иное, как "философская" форма существования, т.е. стремление сделать свободным себя и свою жизнь, построить ее правила, исходя из правил чистого разума, из философии. Теоретическая философия первична. Разумное постижение мира, свободное от всякой связи с мифами и традицией вообще, должно быть реализовано в универсальном познании мира и человека, абсолютно лишенном каких-либо предрассудков и постигающем в самом мире исключительно разум, ему внутренне присущий, его телеологию и его высочайший принцип – Бога. философия как теория создавалась не одним каким-то исследователем, а каждым свободным, философски образованным человеком. Теоретическая автономия – это следствие практической автономности. Руководящий идеал Возрождения – античный человек, формирующий себя в своем свободном, благом разуме. В этом и заключается суть обновления "платонизма": это означает – заново сформировать себя не только этически, но и весь окружающий-человеческий мир, политическое и социальное бытие человечества заново сформировать из свободного разума, из универсальной философии. В соответствии с этим античный образец, признаваемый сначала отдельными индивидами и малыми группами, должен получить признание со стороны теоретической философии, которой следовали не в силу слепой традиции, а благодаря собственному исследованию и критике. Здесь следует подчеркнуть, что идея философии, доставшаяся нам от античности, не тождественна привычному, школьному понятию философии, которое охватывает группу дисциплин; оно изменилось, правда, несущественно, уже вскоре после его возрождения и формально сохранилось даже в первые столетия нового времени, когда философия имела смысл всеохватывающей науки, науки о тотальности сущего. Многообразные науки, стремящиеся все каким-то образом обосновать и включить в орбиту своего труда, представляют собой лишь несамостоятельные ветви первой философии. Дерзко, даже чрезмерно завышая смысл своей универсальности, новая философия, начиная с Декарта, стремилась к тому, чтобы вообще все вопросы о смысле постичь строго научно, построить единую теоретическую систему с помощью аподиктически очевидной методики и рационального исследования, бесконечно разворачивающегося и иерархически упорядоченного. Эта единственная система, бесконечно растущая от одного поколения к другому, система окончательных истин, связанных в теорию, и должна дать ответ на все мыслимые вопросы – на проблемы фактов и разума, временности и вечности. Итак, позитивистское понятие науки, будучи рассмотренным исторически, в наше время оказывается пережитком (Restbegriff). Оно отбрасывает все вопросы, обычно относящиеся к узко или широко понятой метафизике, а вместе с этим отбрасывает все неясные, так называемые, "высшие и предельные вопросы". Всмотревшись в эти вопросы и в то, что было исключено, мы обнаруживаем, что они едины, поскольку явно или неявно включают в свой смысл проблему разума – разума во всех его специфических формах. Явно эти формы разума тематизируются в науке о познании (соответственно – истинном, правильном, разумном познании), в науках об истинной и подлинной оценке (подлинная ценность как ценность разума), об этическом поступке (истинно благой поступок – поступок, вытекающий из практического разума); при этом разум – это общее обозначение "абсолютных", "вечных", "надвременных", "безусловно" значимых идей и идеалов. Человек, поднимая "метафизические", собственно философские проблемы, вопрошает о себе как о разумном существе, о своей истории и коль скоро речь идет о "смысле" истории, – о разуме в истории. Проблема Бога явно включает в себя проблему "абсолютного" разума как теологического истока разума в мире, "смысла" мира. Естественно, что и вопрос о бессмертии включает в себя вопрос о разуме не в меньшей мере, чем вопрос о свободе. Все эти "метафизические" в широком смысле вопросы, собственно философские в обычном смысле слова выходят за пределы мира, отождествляемого с универсумом простых фактов. Они выходят за его пределы, будучи вопросами, смысл которых – в идее разума. И все они претендуют на более высокое место по сравнению с вопросами о фактах, занимающих в иерархии вопросов более низкое место. Позитивизм, так сказать, обезглавливает философию. Уже в античности идея философии, укorenявшей свое единство в неразрывной тотальности всего бытия, предполагала смысловую упорядоченность всего бытия и поэтому всех проблем бытия. Соответственно и метафизика – наука о высших и предельных вопросах обретала достоинство царицы наук, духа всех знаний, приобщающего все остальные науки к предельному смыслу. Подобно этому и обновляющаяся философия полагает и даже верит в то, что она может открыть истинные, универсальные методы, с помощью которых философия должна быть построена как систематическая и достигающая в метафизике высшей точки, а именно как *philosophia perennis* (вечная философия).

Поэтому понятно то воодушевление, которое присуще всем научным исканиям, в том числе и их низшей ступени – эмпирическим наукам, в XVIII в. называвшихся философскими науками; понятно и то широкое увлечение философией и отдельными науками как ее ответвлениями. С ними связаны и страстный порыв к образованию, и энтузиазм в осуществлении философской реформы системы воспитания и всех социальных и политических форм существования человечества. Все это сделало эпоху Просвещения, столь часто поносимую, достойную уважения. Бессмертным свидетелем этого духа может служить прекрасный гимн Бетховена на слова Шиллера "к радости". Сегодня этот гимн мы слушаем со скорбным чувством, ведь трудно представить себе больший контраст, чем контраст этого гимна с современной ситуацией.

4. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ВНАЧАЛЕ УСПЕШНОЙ НАУКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ И НЕПРОЯСНЕННОСТЬ ЕЕ МОТИВОВ Если человечество, исполненное счастья и воодушевленное в новое время высокими идеалами духовности, оказалось несостоятельным, то это можно объяснить тем, что была утрачена воодушевляющая вера в идеалы универсальной философии и в значимость новых методов. И это действительно так. Было обнаружено, что эти методы позволяют достичь несомненных результатов лишь в позитивных науках. Совершенно иначе обстоит дело в метафизике и соответственно в собственно философских проблемах, хотя и здесь не избежали начинаний, исполненных надежд и, по-видимому, вполне успешных. Универсальная философия, которая связывала все эти проблемы, – правда, довольно смутно – с эмпирическими науками, приняла внушительную форму философии систем, к сожалению, не единственной, а постоянно изменяющейся. Еще в XVIII в. полагали, что можно построить единую теоретическую систему, расширяющуюся от поколения к поколению и не расшатываемую критикой, но даже в позитивных науках неоспоримым и удивительным оказалось иное обстоятельство, – то, что они не смогли надолго сохранить это убеждение. Возникшая в начале нового времени вера в то, что идеалы философии и ее методы имеют решающее значение для всех изменений, рухнула; то обстоятельство, что пропасть между постоянными неудачами метафизики и непрерывным, все более мощным ростом теоретических и практических результатов позитивных наук, невиданно усилилась, нельзя объяснить сугубо внешними причинами. Этот процесс оказал свое влияние как на людей, стоящих вне науки, так и на ученых, все более и более превращавшихся по мере специализации позитивной науки в специалистов, чужающихся философии. Но лишь у тех ученых, кто исполнен философского духа и интересуется высшими, метафизическими вопросами, сохраняется обостренное чувство неудовлетворенности. Именно в них зарождается протест, исходящий из глубинных, хотя и совершенно непроясненных мотивов, протест, все более открыто направленный против укоренившихся и господствующих идеалов, кажущихся всем понятными. После длительного периода страстной конфронтации, начиная с Юма и Канта вплоть до наших дней, мы начинаем осознавать подлинные причины этого столетнего чувства неудовлетворенности; конечно, борьба развертывается между немногими людьми, имеющими призвание к этому, между избранными, остальная же масса быстро умиротворяет себя и читателей какими-то предписаниями.

5. ИДЕАЛ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ПРОЦЕСС ЕГО ВНУТРЕННЕГО РАЗЛОЖЕНИЯ Невиданный переворот всего мышления был лишь неизбежным следствием. Философия стала проблемой для самой себя вначале, разумеется, в форме постановки вопроса о возможности метафизики, к чему были отнесены, как сказано выше, и вопросы об имплицитном смысле и о возможности всей проблематики разума. Достижения позитивных наук неоспоримы. Но вопрос о возможности метафизики *eo ipso* (сам по себе) включает и вопрос о возможности фактических наук, которые лишь в неразрывном единстве с философией обретают свой соотносительный смысл – истин, соотносимых с отдельными областями сущего. Если разорвать разум и сущее, то каким же образом познающий разум может определить, что есть сущее? Постановка одного этого вопроса достаточна для уяснения того, что исторический процесс весьма причудлив по своей форме, которая становится наглядной лишь благодаря выявлению скрытых, внутренних мотиваций: исторический процесс – это не гладкое развитие, не непрерывный кумулятивный рост достижений духа, не смена духовных структур – понятий, теорий, систем, объясняемая случайными историческими ситуациями. Определенный идеал универсальной философии и методы образуют собой начало, так сказать, исток философии нового времени и всех линий ее развития. Однако вместо того, чтобы этот идеал оказывал все более действительное влияние, он претерпевал внутренне разложение. Это происходит вопреки всем более или менее радикальным попыткам его сохранения и непрерывным попыткам его революционного преобразования. Итак, проблема подлинного идеала универсальной философии и ее подлинного метода оказывается внутренней движущей силой всех исторических изменений философии. Следует подчеркнуть, что все без исключения науки нового времени (в соответствии с той интерпретацией, согласно которой они обосновывают себя в качестве ответвлений философии и которую они длительное время принимали) испытывают своеобразный кризис, все более и более воспринимаемый как загадочный.

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org
Ведь это – кризис, который не понятен ученым-специалистам, несовместим с их теоретическими и практическими достижениями, кризис, который потряс весь смысл науки. Здесь не идет речь о сфере действия специальных форм культуры европейского человечества – о "науке" или, соответственно, о философии, существующих обособленно друг от друга. Ведь праоснова новой философии, как было сказано выше, – это праоснова новоевропейского человечества, а именно, когда человечество в противовес существовавшим до сих пор средневековому и античному образам жизни захотело радикально изменить себя с помощью новой философии, то оно достигло радикального обновления себя лишь благодаря философии. Тем самым кризис философии совпадает с кризисом наук нового времени, понимаемых как звенья философской универсальности, вначале с латентным, а затем все более явным кризисом всего европейского человечества, ныне охватившего смысл его культурной жизни, всю его "экзистенцию". Скепсис относительно самой возможности метафизики, крах веры в универсальную философию как руководительницу человека нового времени означает вместе с тем крушение мира в "разум", понятого в том же смысле, в каком греки противопоставляли эпистему (знание) и докса (мнение). Разум делает мнения, вещи, ценности, цели осмысленными, нормативно соотнося с тем, что с самого начала возникновения философии называлось словом "истина" – истина сама по себе и коррелятивным ему словом "сущее" – οὐτως ὄν. Поскольку вера в абсолютный разум, придающий смысл миру, рухнула, постольку рухнула и вера в смысл истории, в смысл человечества, его свободу, понимаемую как возможность человека обрести разумный смысл своего индивидуального и общечеловеческого бытия. Утрата этой веры означает, что человек теряет веру "в самого себя", в собственное разумное бытие, которым он отнюдь не всегда обладает и обладает не с очевидностью тезиса: "Я существую", но обретает лишь в борьбе за свою истину, за то чтобы созидать самого себя по истине. Обычно истинное бытие оказывается идеальной целью, задачей познания (Episteme) и разума, которому противопоставляется бытие, представляющее в мнении как нечто "само собой разумеющееся", устойчивое. В глубине души каждый из нас осознает это различие, относимое к истинному и подлинному человечеству, но столь же не чужда и повседневная жизнь человечества истине как цели и задачи, хотя истина и обнаруживается здесь лишь в своей обособленности и релятивности. Но философия уже в первых своих оригинальных истоках – в античной философии преодолевает этот образец, поскольку она выдвигает идею всеохватывающего универсального познания всего сущего, усматривая в этом познании свою задачу. Между тем все попытки осуществления этой задачи все более и более обнаруживают непостижимость этой задачи, наивно кажущейся понятной и ставшей непонятной уже в противоречивости прежних философских систем. История философии, рассмотренная изнутри, все более и более приобретает характер борьбы за существование, а именно борьбы философии, истощившей свои силы как раз в осуществлении этой задачи, – философии, наивно верящей в разум, со скепсисом, отрицающим или фактически обесценивающим ее. Все это повышает ценность переживаемого реального мира, мира действительного опыта, в котором нельзя найти ни разума, ни его идей. Все более загадочными становятся и сам разум, и соотносимое с ним "сущее". Иными словами, разум, дающий смысл существующему миру, и его противоположность – мир, существующий лишь благодаря разуму, глубочайшая внутренняя связность разума и сущего, осознанная как мировая проблема, загадка всех загадок, должны стать особой темой. Здесь мы касаемся только философии нового времени. Однако речь не идет о каком-то простом фрагменте истории, грандиозном историческом феномене, как часто полагают, – о самопознании борящегося человечества (в этом выражении все и заключено). Наоборот, новое обоснование философии, достигаемое благодаря возрождению смысла прежней философии, оказывается воспроизведением и изменением ее универсального смысла. Ее призвание, осознанное в новое время, и состоит в том, чтобы сделать совершенно ясной идею философии и истинный метод, обеспечить радикальное и надежное преодоление прежней наивности и тем самым всякого скептицизма. Однако незаметным образом мы сами оказываемся в плену наивности. Такова судьба философии, идущей по пути медленного саморазоблачения окончательности идеи философии, саморазоблачения, осуществляющегося в постоянных схватках за истинную тему, истинный метод, за выявление подлинных мировых загадок и нахождение средств их разрешения. Мы – люди сегодняшнего дня, участники этого процесса, подвергаемся опасности – потонуть в море скепсиса. Уже потому надо искать собственную истину. Осознав необходимость этого, следует бросить взгляд назад, на историю современного нам человечества. Мы можем обрести самосознание, и тем самым внутреннюю устойчивость лишь благодаря прояснению единого смысла истории, ее задач, и тех, что с самого начала ей присущи, и тех, что возникают вновь, будучи движущей силой всякого философствования. 6. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ КАК БОРЬБА ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ СМЫСЛ Если поразмыслить о влиянии развития философских идей на все человечество (даже не мыслящее философски), то следует

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org
сказать: Внутреннее понимание побуждений философии нового времени, начиная с Декарта и кончая нашими днями, при всей своей противоречивости все же единых, впервые достигается лишь при постижении современности. Подлинная единственно значимая борьба, характерная для нашего времени, – это борьба между уже распавшимся человечеством и человечеством, еще стоящим на твердой почве и борющимся за эту почву или за обретение новой почвы. Эта духовная борьба европейского человечества разворачивается как борьба различных философий, а именно борьба между скептической философией (скорее нефилософией, поскольку от философии в ней сохранилось лишь название, а не задача) и действительной философией, еще живой в наши дни. Ее жизненность состоит в том, что она борется за свой истинный и подлинный смысл и тем самым за смысл подлинного человечества. Привести латентный разум к самопознанию своих возможностей и тем самым прояснить возможность метафизики как истинную возможность – таков единственный путь действительного осуществления метафизики или универсальной философии. Лишь после этого можно решать: обрело ли европейское человечество вместе с возникновением греческой философии некую цель – стремление быть человечеством, исходя из философского разума и быть лишь таковым? Или же человечество находится в бесконечном движении от латентного разума к обнаружению разума, в бесконечном стремлении к самонормированию себя с помощью человеческих по своему характеру истин? Или эта цель – реальная историческая иллюзия, нечаянно обретенная каким-то народом, сосуществующим вместе с другими народами в кругу определенных исторических событий? Или же, напротив, энтелехия, впервые проявившаяся в греческом народе, по своей сути уже заключена в человечестве как таковом? Поскольку по своей сути человечество – это человеческое бытие, объединяющее различные поколения людей и связующее их социально, а сам человек – это разумное существо (*animal rationale*), постольку и человечество, коль человек вся человечность это разумная человечность, – разумно независимо от того, ориентировано ли оно латентно на разум, или же явно на энтелехию, которая постигает саму себя, становится открытой для себя и сознательно руководит человеческим становлением. В таком случае философия и наука были бы историческим движением откровения универсального разума, свойственного человечеству как таковому. Это было бы действительно так, если бы незавершившееся и сегодня движение оказалось бы движением энтелехии, оказывающей чистое воздействие на этот процесс, или же, если бы разум явил бы себя при своем полном осознании и в адекватной своей сущности форме, т.е. раскрыл бы себя в форме универсальной и самонормирующейся философии, развивающейся благодаря последовательному аподиктическому постижению и аподиктическому методу. Лишь тогда можно было бы решить, несет ли европейское человечество в самом себе абсолютную идею, есть ли оно эмпирически фиксируемый антропологический тип, подобно тому, каким являются жители Китая или Индии; в этом случае не представляет ли собой европеизация других народов свидетельство абсолютного смысла, входящего в смысл мира и далекого от исторической бессмысленности? Теперь мы уже знаем, что и рационализм XVIII в., и тот способ, которым он пытался найти почву для европейского человечества, были наивными. Но не отброшен ли вместе с этим наивным и даже нелепым рационализмом подлинный смысл рационализма? Как уживается с этой наивностью и бессмысленностью самое серьезное просвещение, а с рационализмом – превозносимый и наглый иррационализм? Если внимательно отнестись к нему, может ли он убедить нас людей разумно обсуждающих и обосновывающих свои рассуждения? Не есть ли иррациональность – следствием бездушной и скверной рациональности, еще более скверной, чем прежний рационализм? Нельзя ли назвать разум, уклоняющийся от борьбы за прояснение предельных данностей (*Vorgegebenheiten*) и от выдвижения предельных и подлинно рациональных целей, "ленивым разумом"? Сказанного пока достаточно и я пойду вперед для того, чтобы показать громадную значимость прояснения глубинных мотивов кризиса, в котором уже давно находятся философия и наука нового времени и который усиливается в наши дни. 7. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЗАМЫСЕЛ ЭТОЙ РУКОПИСИ что же означают для нас – современных философов – размышления на эти темы? Сугубо академические речи? Или же это попытка возвратиться к прерванным профессиональным занятиям "философскими проблемами" и тем самым построить собственную философию? Можно ли всерьез утверждать, что все философы как наших, так и прошлых лет, – это лишь мимолетные однодневки в богатой флоре философии, умирающей и вновь возрождающейся? Именно в этом и состоит беда всех тех, кто, подобно нам, не являются литераторами от философии, а воспитаны подлинной философией великого прошлого, согласно которой надо жить по истине, и всех тех, кто стремится жить и живет по истине. Современные философы впали в мучительное экзистенциальное противоречие. Мы не можем отказаться от веры в возможность философии как задачи, следовательно, в возможность универсального познания. Мы, как серьезные философы, призваны к постижению этой задачи. И все же, как можно отстаивать веру, которая имеет смысл

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org лишь в соотношении с единственной, общей для всех нас целью – с философией? Для нас стало уже привычным, что философствование и его результаты для общечеловеческого бытия имеют значение лишь частных или в чем-то ограниченных культурных целей. В философствовании мы – функционеры человечества, как бы мы не хотели отречься от этого. Полная личная ответственность за наше собственное истинное бытие как философов одновременно включает в себя личностное призвание и ответственность за истинное бытие человечества, представляющего как бытие, направленное к цели (telos) и, если вообще возможно достичь осуществления философии, то лишь через нас, если мы являемся философами всерьез. Но нет ли здесь, в этом экзистенциальном "если", какой-то уступки? Если нет, то что же нам следует делать для того, чтобы верить тем из нас, кто уже верит, и тем, кто не может отвергнуть прежнее философствование и прежнюю философию, но все же не надеется на философию? Только историческое размышление позволяет уяснить не только фактическое положение дел в наши дни и осознать его неизбежность как очевидный факт. Оно позволяет нам напомнить, что мы, будучи философами по своей целевой установке, которая обнаруживается и в самом слове "философия", – наследники прошлого в своих понятиях, в своих проблемах и методах. Ясно (и уяснению этого следует только содействовать), что обстоятельное и критическое осмысление прошлого необходимо для того, чтобы до каких-либо решений обрести радикальное самосознание: оно же возможно благодаря постановке вопросов о том, чем первоначально была и чем хотела быть философия, что же сохраняется во всех исторических формах философии и у всех философов, общающихся друг с другом. Это достигается в критическом обсуждении и благодаря оценке предельной и изначальной подлинности целевых установок и метода философии, подлинности, которая будучи хотя бы раз осознана аподиктически, определяет и волю человека. Пока не ясно, каким же образом это осуществляется и что же собственно имеется в виду, когда говорится об аподиктичности нашего экзистенциального бытия как философов. В дальнейшем я постараюсь рассказать о своем пути, осуществимость и прочность которого я испытывал десятилетиями. Теперь же пойдете вместе, вооружась весьма скептической, но не негативистской твердостью духа. Попытаемся пробиться сквозь мешанину "исторических фактов" истории философии, вопрошая, указывая, испытывая ее внутренний смысл, ее скрытую генеалогию. На этом пути нам постепенно откроется (вначале незаметно, а затем все более явно) возможность формирования совершенно новых взглядов, ведущих к новым измерениям. Здесь еще не идет речь о вопросах, которые ставились, о тех областях исследования, которые связаны с поставленной задачей, о радикально понятых и понимаемых корреляциях. В конечном счете необходимо радикально изменить общий смысл философии, который представлялся нам чем-то "само собой разумеющимся" во всех ее исторических формах. Практическая возможность новой философии доказывается благодаря постановке новой задачи и нахождению универсальной аподиктической почвы философии, коренящейся в действии. При этом обнаруживается и то, что развитие философии было внутренне, правда, бессознательно направлено к обретению этого смысла, особенно философии прошлого. В этом отношении станет понятной и ясной трагическая несостоятельность психологии нового времени; понятна противоречивость ее исторического существования: с одной стороны, она (в исторически сложившейся форме) не может не претендовать на то, чтобы не быть фундаментальной, философской наукой, а с другой, – она впадает в так называемый психологизм со всеми вытекающими отсюда бессмысленными следствиями. Я попытаюсь подвести вас к тому, чтобы без каких-либо поучений, наглядно показать вам, что же я думаю об этом. У меня нет никаких притязаний, кроме одного: на то, чтобы прежде всего я сам и соответственно другие люди могли с полным правом и со спокойной совестью сказать – мы со всей серьезностью испытали на себе судьбу существования философа.

II. ОБЪЯСНЕНИЕ ГЕНЕЗИСА ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ФИЗИКАЛИСТИЧЕСКИМ ОБЪЕКТИВИЗМОМ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫМ СУБЪЕКТИВИЗМОМ, ВОЗНИКШЕГО В НОВОЕ ВРЕМЯ

8. ГЕНЕЗИС НОВОЙ ИДЕИ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ НАУКИ В ХОДЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ

Первое, на что здесь необходимо обратить внимание, заключается в задаче, поставленной универсальной философией, – понять важнейшую трансформацию идеи, которая в начале нового времени рассматривалась как возрождение античной идеи. Начиная с Декарта новая идея о существовании единого процесса развития во всех философских изменениях становится не просто главенствующей, но и внутренним мотивом всех исканий. Преобразование захватило прежде всего такие выдающиеся достижения античной науки, как евклидова геометрия и всю античную математику, а в последующем и античное естествознание. На наших глазах эти разделы науки послужили истоком развития новых наук. Однако нельзя упускать из виду тот огромный смысловой сдвиг, благодаря которому были поставлены новые универсальные задачи, прежде всего в математике (как в геометрии, так и в формальноабстрактной теории чисел и величин), и создан принципиально новый стиль мысли, совершенно чуждый

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org античности. Все же процедура идеализации эмпирических чисел, мер, эмпирических пространственных фигур, точек, линий, поверхностей, тел осуществлялась в соответствии с учением Платона об идеях, благодаря чему теоремы и доказательства геометрии были преобразованы в идеально-геометрические теоремы и доказательства. Более того. В евклидовой геометрии возникла в высшей степени плодотворная идея, ориентированная на осуществление высокой и далекой идеальной цели – систематически построить единую дедуктивную теорию, основывающуюся на "аксиоматических" фундаментальных понятиях и принципах, развертывающуюся в аподиктических выводах, т.е. построить целое, исходя из чистой рациональности, целое, которое было бы постигаемо в своей безусловной истинности и представляло бы собой совокупность истин как безусловных, непосредственных, так и опосредованных. Однако евклидова геометрия, да и вся античная математика, вообще-то признавала лишь конечные задачи, конечное, замкнутое априори. Это же относится и к силлогистике Аристотеля, априорность которой стоит выше всех остальных форм априорного знания. Древние пошли весьма далеко, но все же не настолько далеко, чтобы понять возможность бесконечных задач, которые для нас кажутся чем-то само собой разумеющимся и связаны с пониманием геометрического пространства и геометрии как науки о пространстве. Для нас идеальному пространству принадлежит универсальное, систематическое, единое априори, некая бесконечная и, несмотря на бесконечность, внутренне замкнутая, единая, систематически развертываемая теория, которая, будучи построена на базе аксиоматических понятий и положений, позволяет сконструировать любые мыслимые пространственные фигуры с дедуктивной однозначностью. Сразу же необходимо подчеркнуть: то, что идеально "существует" в геометрическом пространстве, постигается однозначно во всей своей определенности. Наше аподиктическое мышление "открывает" лишь то, что уже заранее, само по себе существует в истине, последовательно развертываясь в бесконечность с помощью понятий, теорем, выводов, доказательств. Концепция, в которой была выдвинута эта идея рационального, бесконечного универсума (Seinsall) вместе с идеей систематической, рационально постигающей науки, представляет собой нечто совершенно оригинальное. Здесь бесконечный мир составлен из мира идеальных объектов (Idealitäten) как таковых, а не из обособленных, несовершенных и случайно данных нашему познанию, любой объект постигается в его бытии самом по себе рациональным, системным, единым методом в бесконечном процессе познания. Так обстоит дело не только относительно идеального пространства. В еще большей степени далека от концепций древних идея формальной математики идея сходная, но все же гораздо более общая и возникающая благодаря формализующим абстракциям. Уже на заре нового времени началось завоевание и открытие горизонта математической бесконечности. Формируется алгебра, математика континуума, аналитическая геометрия. Новоевропейское человечество смело и оригинально выдвинуло грандиозные идеалы построения всеохватывающей, рациональной науки, по-новому их интерпретируя. И прежде всего выдвинуло идею о том, что целостность бесконечно сущего мира – это внутренне рациональная целостность. Эта идея стала господствующей в универсальной науке. До того как эта идея окончательно сформировалась, она была смутным и неясным предчувствием, которое было определяющим импульсом для развития математики. Но эта идея не ограничилась только новой математикой. Вскоре рационализм проникает в естествознание и формирует совершенно новую идею – идею математического естествознания. Ее с полным правом уже давно называют идеей Галилея. Поскольку реализация этой идеи была весьма удачной, постольку она привела к изменению идеи философии, понятой как наука о мире и всем сущем.

9. МАТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИРОДЫ ГАЛИЛЕЕМ Для платонизма реальное – это более или менее совершенный отблеск идеального. Это позволило античным геометрам найти способы приложения геометрии к реальности. У Галилея математизированная природа – это идеализация, осуществленная с помощью современной ему математики, и, если употребить язык современной математики, она есть математическое многообразие. В чем же смысл этой математизации природы? Как можно реконструировать ход мыслей, приведший к ней? Донаучный мир дан в повседневном, чувственном опыте. Он субъективно релятивен. Каждый из нас имеет специфический круг явлений, с которыми он сталкивается, и каждый из нас по-разному их оценивает как нечто сущее. В процессе общения мы обращаем внимание на противоречивость в оценках, не допуская мысли о том, что существует множество миров. Мы же полагаем, что мир – один, а различны лишь явления. Не поэтому ли у нас возникает формально пустая, но неизбежная идея о существовании объективных вещей? Не обнаруживается ли в самих явлениях содержание, называемое нами подлинной природой? Не принадлежит ли к этому и вся привычность той очевидности, которая в чистой геометрии и вообще в математике чистых форм пространства и времени в ее идеально конструируемых чистых фигурах связывается с абсолютной общезначимостью (мое описание не предполагает, что я принимаю позицию,

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org отстаивающую ее как нечто "само собой разумеющееся" – основной мотив галилеевской мысли). Что же понимал Галилей, говоря о "само собой разумеющемся"? Что было примешано к его пониманию в ходе дальнейшего развития? Что придало ему новый смысл? Все эти вопросы следует тщательно исследовать. Подчеркнем, что Галилей, будучи натурфилософом и "новатором в физике", не был еще физиком в современном смысле слова. Его мысль не развертывалась в символике, чуждой наглядности, в отличие от современных математиков и представителей математической физики. Мы не должны приписывать ему наше понимание тезиса "самопонятности", которое сформировалось благодаря Галилею и в ходе истории. а) "чистая" геометрия Прежде всего попытаемся "понять" живое развитие "чистой геометрии", чистой математики пространственно-временных форм; с одной стороны, в том виде, как она была дана Галилею, – как традиция античной математики, и вместе с тем, – как более общая традиция, поскольку математика и для нас сохраняет свое значение, будучи тем, что есть, а именно наукой о "чистых идеальных сущностях", а с другой стороны, она – наука, находящая свое практическое приложение к миру чувственного опыта. Нам столь привычно смешение априорной теории и эмпирии, что мы обычно не склонны проводить различие между теми пространственными формами и пространством, о которых говорит геометрия, и пространственными формами и пространством, существующими в действительности, воспринимаемой нами. Мы смешиваем их так, как будто они одно и то же. Однако если геометрию следует понимать как смысловой фундамент точной физики, то необходимо и здесь соблюдать особую точность. Поэтому при объяснении генезиса мысли Галилея необходимо реконструировать не только осознаваемые им самим мотивы. Скорее более поучительным оказывается прояснение того, что имплицитно содержится в его образе математики, хотя и осталось скрытым для него самого в силу специфической направленности его интересов: эта неявная смысловая предпосылка, конечно же, должна включаться и в его физику. При абстрагирующем подходе к окружающему нас миру мы познаем в опыте простые пространственно-временные формы "тел" – не геометрически идеальных тел, но именно определенных тел, которые оказываются предметами опыта, и содержание которых – содержанием действительного опыта. Сколь бы произвольно мы не мыслили эти тела в своей фантазии, свободные, "идеальные" в определенном смысле возможности, достигаемые таким способом, являются ничем иным, как геометрическими, "чистыми" формами, начертанными в идеальном пространстве – "чистые" тела, "чистые" прямые, "чистые" плоскости, а также "чистые" фигуры, трансформации "чистых" фигур и их деформации. Итак, геометрическое пространство – это не пространство, сконструированное фантазией, и вообще не пространство некоего воображаемого (мыслимого) мира. фантазия может лишь превратить чувственные формы опять-таки в чувственные формы. И эти формы, независимо от того, существуют ли они в действительности или в нашей фантазии, различимы лишь по степени: линия, более или менее прямая, плоскость, более или менее ровная, большая или меньшая окружность и т.д. Вещи чувственно созерцаемого мира вообще во всех своих изменяющихся свойствах и при всех своих отклонениях представляют некий тип; их тождественность самим себе, их равенство себе (Sich-Selbst-Gleichsein) и равная длительность, их равенство с другими вещами оказывается чем-то случайным. Это же характерно и для всех изменений и для всех возможных тождеств и изменений вещей. Соответственно, это же характерно и для абстрактно понятных форм эмпирически созерцаемых тел и их соотношений. Градуальность рассматривается как большая или меньшая степень совершенства. Здесь, как обычно, совершенство понимается исключительно в практическом смысле, а именно, как то, что полностью удовлетворяет специальные практические интересы. Однако при существующей постоянной смене интересов то, что кажется полностью удовлетворительным для одного, для другого человека таковым не является; причем устанавливается определенная граница возможностей, например, технических возможностей совершенства (возможность выпрямить прямую, сделать плоскость более ровной). Вместе с человечеством развивается, конечно, и техника, и заинтересованность в повышении технической точности; тем самым идеал совершенства все более и более отодвигается вдаль. Поэтому перед нами всегда открытый горизонт возможного улучшения, всегда отодвигаемого вдаль. Не углубляясь в существо – этого систематически никто пока не делал и это отнюдь не так легко, – уже здесь можно сказать, что практика усовершенствования осуществляется в свободном проникновении "все снова и снова" за горизонт возможного усовершенствования вплоть до предельных форм (Limes-Gestalten), к которым, как к некоему инвариантному и никогда не достижимому идеалу, стремится реальный ряд совершенствования. Мы геометры, поскольку интересуемся идеальными фигурами и последовательно занимаемся тем, что пытаемся определить их и заново сконструировать новые фигуры из уже определенных нами. Аналогичным образом обстоит дело и в других областях – занимаясь измерением времени, мы – математики

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org
"чистых" формообразований, универсальная форма которых – идеальное пространство-время. Вместо реальной практики – будь то практика, осуществляющаяся в действии или же обдумывающая эмпирические возможности, или же практика, имеющая дело с действительными и реально-возможными телами, – теперь мы имеем идеальную практику "чистого мышления", относящуюся исключительно к царству чистых предельных форм. Она складывалась в длительном процессе истории, в интересующей социализации обычных методов идеализации и конструирования, ставших привычно используемыми средствами, с помощью которых можно достичь новых результатов. Таков, в частности, в качестве поля деятельности бесконечный и все же замкнутый внутри себя мир идеальных объектов. Как и все достижения культуры, возникающие благодаря человеческому труду, они объективно познаваемы и используются так, что нет необходимости вновь эксплицировать смысл их создания; они схватываются в апперцепции и рассматриваются операционально благодаря тому, что они обрели чувственно телесную форму, например, в языке и письменности. Аналогичным образом функционируют и чувственные "модели", к которым, в частности, принадлежат изображения на бумаге, постоянно используемые в труде, различного рода учебные схемы, полезные для читателей и студентов и т.п. Аналогичным же образом понимаются и объекты культуры (клеи, сверла и др.), в них "зримы" специфические культурные свойства и вместе с тем то, что придает специфический смысл этим качествам, явно не обнаруживается. Достижения прошлого, существующие в этой форме в методологической практике математиков можно уподобить осадочным телам. Они делают возможным духовные занятия в геометрическом мире идеальных предметов. (Геометрия выступает у нас как представитель всей математики пространства и времени.) В этой математической практике мы достигаем того, что недостижимо в эмпирической практике, – "точности"; ведь для идеальных форм существует возможность определения их абсолютной идентичности, постижения их в качестве субстратов абсолютно идентичных и методически однозначно определяемых свойств. Вообще-то идеализация достигается не только с помощью отдельных и одинаковых методов, которые используют любые, случайно выбранные, чувственно созерцаемые формы. Идеализация может создавать чистые идеальные сущности, соответствующие ей и обладающие объективной и однозначной определенностью. В этом отношении показательные такие фигуры, как прямые отрезки, треугольники, окружности. Все это позволяет – это и было открытием, создавшим геометрию, – не только каждый раз заново конструировать новые формы с помощью уже данных ранее элементарных фигур, взятых уже как всеобщие, и превратить операции, с помощью которых они создаются, в однозначные, интересующие и продуктивные методы, но конструктивно создавать все вообще мыслимые идеальные формы с помощью априорного, всеохватывающего системного метода. Геометрический метод операционального определения некоторых и даже всех идеальных форм из неких основных форм, взятых в качестве элементарных средств определения, этот метод возвращает нас к методам измерения и измерительного определения, использовавшихся в преднаучном созерцании. Вначале эти методы были весьма примитивны, а затем все более и более искусными. Этот метод по своему генезису коренится в сущностных формах окружающего мира. Формы, данные в чувственном опыте и воображаемые в чувственном созерцании, и тип, мыслимый на любой ступени всеобщности, непрерывно переходят друг в друга. В этой непрерывности они заполняют (чувственно созерцаемое) пространство-время как свою форму. Любая форма из этой открытой бесконечности форм, даже если она дана созерцанию как что-то реальное, все же не обладает "объективностью", она не интересующая для каждого из нас и не сообщаемая другому человеку, который фактически не видит ее определенность. Таково, очевидно, искусство измерения (Meßkunst) в геодезии. Здесь речь идет о многообразных, специфических измерениях, образующих лишь заключительную стадию измерения: с одной стороны, это происходит потому, что для описания физических форм рек, гор, зданий и т.д. геодезия нуждается в четко определенных понятиях и терминах. Она и создает такого рода понятия вначале для своих "форм" (в пределах наглядно созерцаемого сходства), а затем для величин и их соотношений, для определения места с помощью измерения расстояния и угла, соотносимого с измерением уже известного места (предполагается, что оно не изменяется) и направления. Измерение практически открывает возможность выбора определенных эмпирических фундаментальных форм в качестве меры, используемой для конкретного определения эмпирически-устойчивых тел и позволяет с помощью соотношений, существующих (или открываемых) между ними и другими формами тел, определить интересующую и практически однозначно иные формообразования – сначала в узких сферах (например, при измерении полей), а затем и любых новых форм. Тем самым понятно, что благодаря усиливающемуся стремлению к "философскому", "истинному" познанию, позволяющему определить объективный смысл мира, эмпирическая геодезия и ее эмпирически-практические объективирующие функции по мере преобразования практических интересов в чисто

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org

теоретические интересы стала идеализированной геометрией и вместе с этим оказалась пронизанной чисто геометрическим способом мысли. Итак, геодезия подготовила универсальную геометрию и ее "мир" чистых предельных форм. б) Основная идея галилеевской физики: природа как математический Универсум

Относительно высокий уровень геометрии, взятой, согласно Галилею, уже не только в земном, но и в более широком, даже астрономическом, приложении, был для Галилея тем традиционным способом мысли, который позволил соотносить эмпирию и предельные математические идеи. Для него эта традиция была столь же естественна, как и традиция геодезии, интенция которой ко все большей точности измерения и ко все более объективному определению самих форм была задана уже геометрией. Если бы эмпирическая, весьма узкая постановка задач, обусловленных технической практикой, с самого начала была движущей силой выдвижения задач перед чистой геометрией, то чистая геометрия давно бы уже стала "прикладной" геометрией, средством для развития техники, средством построения ее концепций и реализации ее задач, прежде всего задачи систематического развертывания методов измерения для объективного определения форм, достигаемого лишь в постоянной "аппроксимации" к геометрическим идеалам, к предельным формам. Итак, Галилей, не сознавая этого, поставил вопрос о том, как же возникает исходная идеализирующая процедура (как она возникает на базе догеометрического, чувственного мира и присущих ему практических искусств). Он попытался углубить его до вопроса о том, каково происхождение аподиктической математической очевидности. При геометрической установке потребность в обсуждении этих вопросов и не возникает: тот, кто изучает геометрию, тот должен "понять" геометрические понятия и принципы, должен быть знаком с операциями как с методами обращения специфически определяемых форм, причем должен найти применение соответствующим фигурам, начертанным на бумаге ("моделям"). То, что для геометрии, понятой как отрасль универсального знания о сущем (философии), было бы релевантным и весьма значительным, – все это было чуждо Галилею; обсуждение проблемы геометрической очевидности, того, "как" она возникла, ему было чуждо. Темой наших дальнейших исторических исследований, начиная с физики Галилея, и будет то, каким же образом произошел этот столь важный сдвиг в точках зрения и почему проблема "генезиса" познания стала позднее главной. Здесь мы хотим отметить, что именно геометрия, с присущей ей наивной априорной очевидностью, которая оказывается движущей силой любой нормальной геометрической деятельности, определила мышление Галилея и привела его к выдвижению идеи физики, ставшей делом всей его жизни. Так, исходя из практического понимания пути, которым геометрия содействует однозначному определению чувственного мира, ставшего традицией, Галилей заявляет: там, где такая методика создана, мы можем преодолеть относительность субъективных взглядов, существенных лишь для эмпирически созерцаемого мира. На этом пути мы открываем тождественную, безотносительную истину, в которой каждый может убедиться, каждый, кто в состоянии понять и применять эти методы. Следовательно, здесь мы постигаем истинно сущее, правда, в форме эмпирически данного сущего, которое все более и более приближается к геометрически идеальной форме, действующей как руководящая сила. Между тем вся чистая математика имеет дело лишь с абстракциями тел и физического мира, а именно только с абстрактными формами, существующими в пространстве-времени и тем самым с абстрактными формами как с "чистыми", "идеальными", предельными формами. Они становятся конкретными для нас в эмпирически чувственном созерцании, где действительные и возможные эмпирические формы даны просто как "формы" некоей материи в своей чувственной наполненности, как то, что обычно называли "специфическими" чувственными качествами¹ (цвет, звук, запах и т.п.) и как те качества, которые выразимы в количественных различиях. Конкретность чувственно воспринимаемых тел, их бытия в действительном и возможном опыте связана с их изменчивостью. Изменение их места в пространстве и времени, их формы и полноты свойств отнюдь не произвольны или случайны, но в своих чувственно-типологических способах проявления эмпирически зависимы друг от друга. Подобная соотношенность изменений тел друг с другом является уже моментом повседневного опыта; она позволяет воспринять в опыте связность симуль-танно и сукцессивно сосуществующих тел. Иначе говоря, связует друг с другом их бытие и так-бытие (Sosein). Нередко, но отнюдь не всегда, компоненты этих реально-каузальных связей в опыте явно противоположны. Постоянное отождествление чувственных качеств тел, реально воспринимаемых в опыте, нашего повседневно созерцаемого мира, таких, как цвет, осязаемость, запах, теплота, тяжесть и т.д., с самими телами, как с их свойствами, с чувственно данными, – все это дурное наследие той психологической традиции, которая берет свое начало с Локка. "Данные ощущений" также называют чувственными качествами и вообще не отличают от них. Там же, где начинают проводить различие (не описывая, что весьма необходимо, его подробно) важную роль играет то заблуждение (о нем мы еще будем говорить в дальнейшем), что "данные ощущений" непосредственны. С этим же

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org
связано и отождествление тел с физико-математическими телами, смысловые истоки которого мы должны исследовать. Здесь мы говорим, оставаясь на почве действительного опыта, о качествах, свойствах тел, действительно воспринимаемых нами. И если мы говорим о них как о полноте всех форм, то мы рассматриваем эти формы как "качества" самих тел, причем как чувственно воспринимаемые, т.е. как то, что дано не в соотносительности с определенными органами чувств, подобно (Χῆουϋςσο, κοινῶς, а есть шоуг]го, 101.0.. ставляются. Там же, где этого не происходит и возникает нечто совершенно новое, мы задаемся вопросом "Почему оно возникло?" и рассматриваем его в определенных условиях места и времени. Вещи чувственно воспринимаемого мира (всегда воспринимаемые так, как они воспринимаются в нашей повседневной жизни и оцениваемые нами как некая действительность) обладают, так сказать, "привычностью", сохраняясь в типичных, схожих друг с другом обстоятельствах. Если взять чувственно воспринимаемый мир в целом, лишь в его изменчивой данности, то он как целое обладает своей "привычностью", а именно быть столь же привычным сегодня, каким привычным он был вчера. Итак, эмпирически воспринимаемый нами мир обладает общим эмпирическим стилем. Изменяя этот мир в фантазии или предсказывая будущий ход мирового процесса во всей его неизведанности, но все же "как то, чем он может быть", именно в его возможностях, мы неизбежно представляем мир тем же образом, что и раньше. В рефлексии и свободной вариации фантазии мы можем лишь осознать эти возможности. Итак, мы можем лишь тематизировать инвариантный всеобщий стиль, с помощью которого созерцаемый мир сохраняется в потоке всего опыта. Вместе с тем мы видим, что вещи и процессы появляются и протекают не произвольно, а априорно связаны с этим стилем, инвариантными формами созерцаемого мира. Иными словами, связаны универсальной, каузальной регуляцией всего того, что сосуществует в мире, и формированием благодаря этому всеобщей, непосредственной или опосредованной связности, в которой мир оказывается уже не просто вселенной (Allheit), но и всеединством (Alleinheit), чем-то целостным. Априори очевидно, сколь мало мы действительно постигаем в опыте, исходя из специфических причинных связей, сколь мало нам известно что-либо из прошлого опыта и может быть использовано в будущем опыте. Этот универсально каузальный подход к созерцаемому миру позволяет выдвигать гипотезы, индуктивные заключения, предвидения относительно того, что неизвестно в настоящем, прошлом и будущем. Но в донаучном познании жизни мы сталкиваемся с чем-то приблизительным, с типическим. Как же возможна "философия", научное познание мира, если неопределенное осознание тотальности имеет свои истоки, в которых мир осознается как горизонт при любой смене сиюминутных интересов и познавательных тем? Конечно, как уже было сказано, в своей рефлексии мы можем тематизировать целостность мира и постичь ее каузальным образом. При этом, правда, мы приходим лишь к очевидности пустой абстракции: все воспринимаемые события независимо от места и времени определены каузально. В каком же отношении находится она к наличной каузальности мира, которая будучи определенной сетью каузальных связей, делает конкретными все реальные события независимо от времени? "Философское", подлинное научное познание мира лишь тогда имеет смысл и лишь тогда возможно, когда открыты методы, которые позволяют конструировать систематически и заранее бесконечность его каузальных связей от самых неустойчивых, данных в непосредственном опыте, до относительно устойчивых. И эта конструкция при всей ее бесконечности должна быть доказательной. Как же это мыслимо? Здесь наставницей нам служит математика. Она уже указала нам путь относительно пространственно-временных форм двояким образом. Во-первых, она создала идеальную объективность с помощью идеализации физического мира и его пространственно-временной оформленности. Из неопределенных, всеобщих форм пространства и времени, присущих жизненному миру, из свойственных ему эмпирически созерцаемых форм она создала объективный мир в подлинном смысле слова, а именно бесконечную тотальность идеальных предметностей, определяемых методически и всегда и для любого человека однозначно. Тем самым она впервые показала, что бесконечность предметов, субъективно-релятивных и данных лишь в неопределенных, всеобщих представлениях, объективно определяема лишь благодаря априорному всеохватывающему методу и мыслима как действительно определенная сама по себе. Точнее говоря, определяемая как существующая сама по себе и в своих предметах, и в их свойствах, и в своих отношениях. Говоря "мыслима", я имею в виду, что бесконечность конструируема ex datis в своем объективно истинном бытии-самом-по-себе с помощью не просто постулируемого, но действительно созданного, аподиктически воспроизводимого метода. Во-вторых, математика, вступающая в контакт с искусством измерения и руководящая им, нисходя от мира идеальных сущностей (Idealität) к эмпирически созерцаемому миру, показывает, что может быть достигнут универсальный, действительно созерцаемый мир б самих вещей, хотя она, будучи математикой форм, и проявляет интерес лишь к одной его стороне (правда, необходимым образом присутствующей во всех вещах), все же в состоянии

Эдмунд Гуссерль Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология filosoff.org
достичь объективно реального познания совершенно нового рода, а именно аппроксимативно приближающегося к миру ее собственных идеальных сущностей. Вещи эмпирически созерцаемого мира в соответствии с образом действия мира (Weltstil) обладают телесностью и суть "res extensae", воспринимаются в своих изменчивых связях и, будучи рассмотрены как целое, представляют собой совокупность, где каждое отдельное тело занимает свое относительное место и т.д. С помощью чистой математики и практического искусства измерения можно построить для всего физического мира совершенно новое индуктивное предсказание, а именно на основе уже данных и измеренных характеристик форм "рассчитать" неизбежные характеристики, еще неизвестные и недоступные для непосредственного измерения. Так идеальная геометрия, отчужденная от мира, становится "прикладной" и вместе с тем в известном смысле всеобщим методом познания реальности. Но не позволяет ли этот способ объективации мышления, делающий акцент на абстрактном аспекте мира, приблизиться к решению следующих вопросов? Нельзя ли допустить существование чего-то подобного и для конкретного мира как такового? Может быть, обращение мыслителей Ренессанса, в частности, Галилея, к античной философии со всей очевидностью раскрывает возможность философии как эпистемы, управляющей всей наукой об объективном мире? Если чистая математика, примененная к природе, полностью осуществила, как уже было показано, постулат эпистемы в сфере форм, то не превзошел ли Галилей и идею природы, конструктивно и во всех своих аспектах определяемой в этом способе объективации мышления? Возможно ли, что с помощью методов измерения, процедур аппроксимации и конструктивных определений охватываются все реальные свойства и каузальные связи созерцаемого реального мира, опытно исследуемого во всех аспектах? Оправдано ли это всеохватывающее предсказание и может ли оно стать практическим методом конкретного познания природы? Трудность состоит в том, что материальная полнота "специфических" чувственных качеств не может восполнить конкретность пространственно-временных характеристик физического мира, а в своем степенном различии (Gradualität) эти характеристики не могут рассматриваться непосредственно как сами эти формы. Однако эти качества и все, что образует конкретность чувственно воспринимаемого мира, необходимо понять как выражение "объективного" мира. И более того, они должны сохранить это значение. Если во всех изменениях субъективных интерпретаций остается несокрушимой достоверность одного и того же мира, связующего нас, самой по себе сущей действительности – именно таков способ мысли, приведшей к выдвиганию идеи новой физики, – то все моменты опытного знания открывают нам тот же самый мир. Объективное знание о действительности достижимо, если те стороны, от которых чистая математика абстрагируется, например, от чувственных качеств, стороны пространственно-временных форм и их возможных конфигураций, если они были математизируемы не непосредственно, а лишь косвенным путем.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!